

ПЕТР ГЛАДИЛИН

АНАБИОЗ

(По мотивам романа Петра Гладиллина «ОХОТНИК В ЗООПАРКЕ».)

Все права принадлежат автору.

Гладиллин Петр Владимирович @

www.gladilin.ru +7 926 142 60 56(м)

klarnet8@gmail.com

МОСКВА

2000 - 2018г.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Наталья Игоревна - жена Андрея Ильича.

Полина - дочь Андрея Ильича.

Эра Сергеевна Рукомойникова - капитан милиции.

Лиза - проститутка.

Метель

Проводница железнодорожного вагона

Оля Розенталь - преподаватель математики (вокала?)

Дама в красивом платье.

Автор

Андрей Ильич - любящий отец, профессор.

Почтальон

Все женские роли (или несколько) может сыграть одна остро характерная актриса.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

АВТОР: *Эту правдивую историю я расскажу вам не без замирания души, мой голос будет дрожать, а сердце биться учащенно. В прошлую осень погода в Москве стояла солнечная и чудесная. В квартире знаменитого профессора Андрея Ильича Иванова был воскресный день. Это не значит, что воскресного дня больше нигде не было, и за окном на Большой Никитской был, скажем, понедельник или вторник. Воскресный день был повсюду, но в квартире Андрея Ильича он чувствовался сильнее, чем где бы это ни было, потому что Наталья Игоревна ждала этого воскресенья давно и даже мечтала о нем.*

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Дорогая, ты не видела, куда я положил свои черепаховые очки?

НАТАЛЬЯ ИГОРЕВНА: Интересно, зачем они тебе понадобились?

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Для того, чтобы лучше видеть тебя и окружающую нас действительность.

НАТАЛЬЯ ИГОРЕВНА: Меня вокруг пальца не обведешь, ты обещал, что проведешь воскресный день в семье, мы тебя уже не видели и не слышали три тысячи лет.

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Сегодня я в библиотеку. Развлечения в другой раз, завтра научный совет.

НАТАЛЬЯ ИГОРЕВНА: Непонятно, зачем ты женился, если не можешь подарить семье один единственный выходной за полгода!

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Наташа!

НАТАЛЬЯ ИГОРЕВНА: Знала бы, что ты будешь таким плохим отцом, никогда не вышла бы за тебя замуж и не родила тебе дочку!

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Перестань скулить, котенок, у нас чудесная семья!

НАТАЛЬЯ ИГОРЕВНА: Да уж, куда лучше, к своей родной дочери ты совершенно равнодушен, ты не любишь ее.

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Как тебе не стыдно, мать, я не люблю Полиночку, кровинушку свою, доченьку, своего единственного ребеночка! Это ж надо такое сказать, перекрестись! Ну и язык у тебя поганый, ну это же надо до такого додуматься!

НАТАЛЬЯ ИГОРЕВНА: Не любишь.

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Что я могу поделать! Я - ученый! Я увлечен своим любимым делом, у меня есть долг перед наукой. В пятницу кафедра, наконец, мне прислали из Лондона книгу об анабиозе, я ждал ее четыре месяца, это самое подробное исследование зимней спячки животных, я сгораю от нетерпения! В интернете ее нет! Натусик! Я сделал открытие! Оказывается... у каждого живого существа не одно, а два сердца. Первое поддерживает нормальную жизнедеятельность, второе, порталное сердце - работает во время зимней спячки! И каждое живое существо, в том числе и человек, имеет в своем организме механизм зимнего сна. Понимаешь, у лягушки, спящей подо льдом, два сердца - обычное и зимнее. Я могу это доказать экспериментально. У млекопитающих, в том числе у человека, этим сердцем является печень. Оно способно в момент клинической смерти и остановки основного сердца поддерживать минимальное давление в крови! Минимальное, ангел мой, котенок, но достаточное для жизни!

НАТАЛЬЯ ИГОРЕВНА: У лягушки, милый, два сердца, а у тебя ни одного!

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Неправда, я вас люблю!

НАТАЛЬЯ ИГОРЕВНА: Ты бы разок, приличия ради, поинтересовался, какие у дочери отметки в школе.

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Но ты же прекрасная мать!

НАТАЛЬЯ ИГОРЕВНА: Я думаю, нам надо развестись, я не хочу жить с тобой, я думаю, что и ребенок тоже не должен жить с таким отцом!

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Наукой доказано, у людей и большинства животных не существует синдрома отцовства. В природе существует материнство, однако отцовства, как устойчивой группы психологических признаков, не существует. Так что обвинения совершенно напрасны! Ах, вот они, мои черепаховые очки! Сидеть за столом в черепаховых очках, и есть черепаховый суп! А! Правда, смешно!

НАТАЛЬЯ ИГОРЕВНА: Если ты придешь в половине седьмого, мы успеем на последний сеанс в кино с Леонардо Ди Каприо.

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: За три часа я не осилю монографию на английском языке в шестьсот страниц.

НАТАЛЬЯ ИГОРЕВНА: Мы потеряем дочь, вчера наша девочка ушла из дома днем, а пришла в двенадцать ночи! Ей всего шестнадцать лет! Ты видел, с кем она общается, ты видел, кто ее друзья?

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Но я уже беседовал с ней на эту тему, и она меня не слушается, она глухая!

НАТАЛЬЯ ИГОРЕВНА: Вспомни наше первое свидание двадцать лет назад, была зима, ужасный мороз, ты стоял на ледяном ветру в осеннем пальтишке и прятал под полой роскошный букет роз, которые купил для меня на последние деньги. Какие у тебя были глаза, мой ... ! Куда все делось?

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Не могу, я должен прочитать эту проклятую монографию, а на руки они мне ее не выдают!

НАТАЛЬЯ ИГОРЕВНА: Это кончится трагедией, у меня дурные предчувствия, на той неделе в Замоскворечье пропала девочка. Если с нашей дочкой что-нибудь случится, виноват будешь ты!

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Зачем ты говоришь мне с утра гадости? До вечера!

НАТАЛЬЯ ИГОРЕВНА: Вспомни, ты когда-то играл на скрипке, ты был такой милый, нежный, живой!

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Как я буду с таким настроением работать? Интересно, а что снится лягушке подо льдом? Я никогда об этом не задумывался.

Андрей Ильич уходит.

СЦЕНА ВТОРАЯ.

АВТОР: *К семи часам Андрей Ильич закончил свои труды и вышел из библиотеки. Смеркалось. Прогулка была очень приятной. Андрей Ильич вошел в тихий московский дворик, до родного порога было рукой подать, как вдруг наш герой услышал истошный вопль.*

Улица была совершенно пустынной, ни души! И совсем недалеко от того места, где он теперь находился, двое огромных мужчин гнались за девушкой, нет, скорее за девочкой лет шестнадцати! Она бежала изо всех сил, они кричала, нет, она пищала, она задыхалась! Голос показался ему знакомым. Вне всякого сомнения, он принадлежал его дочери. Иванов тут же бросился на помощь. Они гнали ее, как зайца, они гнали ее к машине! Машина, серебристый мерседес стоял в глубине двора.

Андрей Ильич бежал изо всех сил, чтобы спасти своего ребенка, однако расстояние, отделяющее его от преследователей, плавно

увеличивалось. Наконец один из преследователей схватил девочку за руку, они втиснули ребенка в автомобиль, который взревел мотором и исчез за поворотом.

Районное отделение милиции.

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Это тринадцатый кабинет? Вы следователь по особенно важным делам Рукомойникова?

ЭРА СЕРГЕЕВНА: Аум.

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Моя фамилия Иванов.

ЭРА СЕРГЕЕВНА: Заходите, присаживайтесь. Как давно освободились?

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: В каком смысле?

ЭРА СЕРГЕЕВНА: Как давно прибыли из мест лишения свободы, если мне память не изменяет, статья 144.

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Изменяет вам память, Элла Сергеевна. Меня зовут Андрей Ильич Иванов, у меня украли ребенка месяц тому назад.

ЭРА СЕРГЕЕВНА: Ах, вспомнила, голова соломенная, на меня так крепкие напитки действуют, выпьешь, после дней пять ничего не помнишь, ни имени своего, ни детства. Да... конечно, мальчика из коляски... на автобусной остановке.

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Девочку шестнадцати лет. Увезли на автомобиле марки «Мерседес бенц» серебристого цвета.

ЭРА СЕРГЕЕВНА: Прекрасно, вспомнила, присаживайтесь.

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Что это значит прекрасно?

ЭРА СЕРГЕЕВНА: Не нервничайте, папа, прекрасно в том смысле, что я вспомнила, о чем речь, а не в том смысле, что ребенка увезли.

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: У вас есть какие-нибудь новости? Хоть какая-нибудь зацепочка имеется?

ЭРА СЕРГЕЕВНА: Живого человека отыскать - это не потерянный по дороге в Тулу сервант. Тем более, что человек мелкий, беспомощный, несовершеннолетний, да еще и девочка к тому ж. Да еще, как назло, красивая какая. У меня тоже есть дочь, но, положи руку на сердце, не такая красавица, как ваша! У нас особенно не в кого. А жена у вас очень эффектная дама! У нас в роду все девки тучные, дородные, им бы на войну ходить, а они девками уродились! На них пахать, сеять, а они на фортепиано записались!

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Значит что, никакой надежды?

ЭРА СЕРГЕЕВНА: Какая-то надежда всегда есть, даже когда ее и в помине нет и быть не может.

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Я не совсем понимаю..., что значит «надежда есть, когда ее в помине быть не может»?

ЭРА СЕРГЕЕВНА: Внятно объясняю про надежду. Пять дней тому назад в четырнадцатом доме вывалился ребенок с шестого этажа. Взрослый уже ребенок, лет восьми. Отец бился в конвульсиях, а потом пришла надежда. Он, этот самый папаша, взял да и пораскинул умишком: ... а что, если это не мой ребенок? Оказалось, что восемь лет тому назад жена наставила ему рога, когда тот был в командировке. Он давно знал, и ему все равно было, подгуляла она мальчика или нет. А когда гром грянул, он выяснять, разбираться стал, и точно ... оказалось не его ребенок! Какое ни есть, а душе успокоение.

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Какая разница, чей ребенок?!

ЭРА СЕРГЕЕВНА: А вот и не скажите! Для того, кто верит в лучшее, разница имеется.

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Не понимаю, на что вы намекаете.

ЭРА СЕРГЕЕВНА: А вы-то пораскиньте умишком..., у вас обязательно найдутся другие мотивы для успокоения души, не обязательно ревность.

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Да мы с Полиной похожи, как две капли воды!

ЭРА СЕРГЕЕВНА: А что, если девочка влюбилась, и голова у нее пошла колесом. При царе-батюшке в ее возрасте уже рожали. Влюбилась, обо всем на свете забыла, а парень посадил ее в свой кабриолет и увез на край света. А потом испугался, что ему срок дадут за роман с малолеткой. Вот они спрятались и живут себе потихоньку, а что делать - не знают.

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Ахинею вы несете, Эра Сергеевна, она еще ребенок.

ЭРА СЕРГЕЕВНА: Это по вашим, родительским меркам дитяtko малое, а ее друзья так не думают.

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Ее друзья все до одного сопляки. Видел я ее друзей.

ЭРА СЕРГЕЕВНА: Какой же вы упрямый, ей богу! Стоит ли так упорствовать изо всех сил, цепляясь за самый неблагоприятный исход событий. Вы себя пожалейте, вот я к чему клоню! Пока мы вашу дочку искать будем, вы сами себя не потеряйте! Намедни у одного полковника в отставке угнали машину. Старая раздолбанная тачка, но она, видите ли, ему, как жена, потому что за десять лет ни разу не отказала и все

такое. И он так расстроился, что врезал от инфаркта, а через месяц тачку нашли. Так что, не убивайтесь. Представьте, Андрей Ильич, найдем мы вашу дочку, а вы к тому времени перестанете существовать как личность, как индивидуум, как часть мироздания... инфаркт, могила, лопата, черви! Вот девочка расстроится.

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Признаюсь вам, я совершенно сбит с толку. Моя жизнь превратилась в кошмар, была прекрасная семья, ребенок пропал, жена ушла из дома, она во всем обвиняет меня, и я не спорю, я виноват, она действительно предупреждала, я не знаю, как дальше жить, зачем жить?

ЭРА СЕРГЕЕВНА: Жизнь продолжается, Федор Петрович. Курить хотите?

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Я Андрей Ильич.

ЭРА СЕРГЕЕВНА: Какая разница, не придирайтесь к словам, в смысл вникайте. В самую суть!

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: А если моей девочки уже нет в живых?

ЭРА СЕРГЕЕВНА: Жива.

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: А вы-то, откуда знаете?

ЭРА СЕРГЕЕВНА: Да, черт вас побери, возьмите себя в руки хватит ныть! Вы, черт вас побери, газеты читаете!? На прошлой неделе в Англии был теракт, в Японии обвалилась эстакада, погибло сорок человек. В Америке взорвали башни-близнецы, в прошлом году в Африке от СПИДа умерло шесть миллионов человек. Каждый день происходят трагедии пострашней. А вы дрожите над своим микроскопическим горем, как слизняк, как вша! Тьфу, противно смотреть. Да улыбнись ты, чертов хрен! Надо жить, голубчик, во что бы это нам ни стало!

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Пойду я, подышу свежим воздухом, что-то дурно мне. Напрасно вы так много курите.

ЭРА СЕРГЕЕВНА: Идите. Вот увидите, завтра обязательно встанет солнце.

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Не уверен.

ЭРА СЕРГЕЕВНА: А вы пойдите против горя, а не у него на поводу! И тогда, горе, может быть, испугается и сбежит, рассеется, как туман! Влюбитесь! А нет иллюзий - молоденькую девчоночку возьмите на Тверской, купите пару ноль семь виски, устройте ночь любви, врубите в пять утра музыку, станцуйте джига-джигу! Оторвитесь! Горе боится веселых! И девочка ваша сразу найдется! Мы ее найдем, а вам выжить надо! Взбодритесь! Встанет, обязательно завтра утром встанет солнце, и пойдет дождь, и наступит весна, ну, может быть, не завтра, но все равно

наступит, и прилетят птицы, и парни будут гулять с девчатами, и жизнь начнет свой новый круг, потому что жизнь прекрасна!

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Благодарю, я подумаю.

ЭРА СЕРГЕЕВНА: Следующий!

СЦЕНА ТРЕТЬЯ.

АВТОР: Эра Сергеевна оказалась права, солнце таки встало! А ведь права Эра Сергеевна, надо верить в лучшее! Наш герой не знал, сколько стоит “это”. Потому взял денежек на всякий случай чуть побольше. Вышел из дома, остановил такси и поехал к “Palace Hotel”, туда, где каждую ночь на перекрестке около подземного перехода несут свою нелегкую вахту десяток-другой ночных бабочек. Спустя час Андрей Ильич вернулся домой. Не один.

Квартира Андрея Ильича.

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Проходите, голубушка, почувствуйте себя, как дома.

ЛИЗА: Благодарствуйте.

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Как вас зовут?

ЛИЗА: Вера, нет, извините, Оля, извините..., я перепутала, Светлана.

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Так все-таки Вера или Светлана?

ЛИЗА: Елизавета Аркадьевна. Какие высокие потолки у вас, как в музее. Сколько комнат?

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Пять.

ЛИЗА: Мне нравится ... какая красотища ... с лепниной. И ты живешь один в такой огромной квартире?

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Да, я один живу.

ЛИЗА: Ого! Грильяж в шоколаде!

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Кушайте на здоровье.

ЛИЗА: А что ты такой невеселый, что загрустил, малыш?

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Взгрустнулось малость.

ЛИЗА: А я тебя развеселю! Где разобьем бивуаки, милый?

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: В спальней или в гостиной.

ЛИЗА: В кабинете. Я видела в кабинете огромный стол! Пойду, ополоснусь. Заледенела, как собака. Чтобы тебе, милый, не было грустно одному, я посажу тебя на травку.

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Здесь травы нет, у меня в квартире паркет.

ЛИЗА: Посадим, вырастим. У меня есть очень хорошая травка. Такая веселая, веселая травка. А есть задумчивая. Какую предпочитаешь?

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Что это?

ЛИЗА: Марихуана, сейчас все самое дурное с души отойдет.

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Спасибо, я не курящий. Я не желаю наносить ущерб своему здоровью.

ЛИЗА: Марихуаной, между прочим, глаукому лечат, она людям ничего плохого, кроме радости и хорошего настроения, не приносит.

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: У меня нет глаукомы.

ЛИЗА: Очки носишь?

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Да.

ЛИЗА: Значит, есть у тебя глаукома.

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Наркотики - это отравка, это яд!

ЛИЗА: Все зависит от чувства меры, можно и блинами с вареньем до смерти обожраться, как баснописец Крылов. Какой ты печальный, милый, у тебя что неприятности?

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ (закуривает): Не то слово, но я держусь молодцом.

ЛИЗА: Надо верить в лучшее. У меня в прошлом сезоне норковую шубу увели, я сначала руки на себя хотела наложить, но ничего, как видишь, живу, спасибо девкам, вытащили из петли. Покурим и все печали стороной. Ну как?

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Изумительная вещь!

ЛИЗА: Я же говорю, веселая травка. А вот, на тебе, покури задумчивую!

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Ты хорошая, ты мне сразу понравилась, иди ко мне. У тебя красивые синие глаза.

ЛИЗА: Коричневые.

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Милая.

ЛИЗА: Милая, милая, все говорят милая, а замуж не берут.

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Галстук снимать?

ЛИЗА: Обязательно, а то я тебя за галстуком не вижу, subtilный ты дядя шибко.

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: На столе, так на столе. Я за этим столом написал докторскую диссертацию. Кстати, который час? На Половина двенадцатого ночи. Погоди, погоди, а какой завтра день недели?

ЛИЗА: Вторник.

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Погоди, погоди, одну минуточку, деточка, а ты на завтра уроки приготовила?

ЛИЗА: Какие уроки?

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Обыкновенные уроки. Где твой дневник, принеси мне свой дневник! Я посмотрю, что тебе задали.

ЛИЗА: Зачем мне дневник? Я что, на панели с дневником буду стоять? Чтобы мне мужички оценки ставили?

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: А если у тебя дневника нет, откуда ты можешь знать, что тебе на завтра задали?

ЛИЗА: Мне ничего не задали, папочка, у нас каникулы.

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Завтракай, одевайся и бегом в школу!

ЛИЗА: Укурился, голубь сизокрылый, в дым укурился, какая школа? Ночь на дворе!

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Ты сейчас же пойдешь в школу, ты будешь учиться, это твоя святая обязанность. Для того чтобы получить хорошую профессию, надо много учиться!

ЛИЗА: Хорошо, я пойду в школу. Завтра утром, когда все дети пойдут в школу, тогда и я пойду!

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Довольно пререкаться, быстро одевайся, а я соберу тебе портфель.

ЛИЗА: Да ты посмотри на улицу: снег с дождем, ни одной живой души!

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Или для тебя мои слова уже ничего не значат?! Отец я тебе или что?!

ЛИЗА: Ну, хорошо, папочка, я пойду в школу прямо сейчас, вот мои сапожки, вот мои тетрадки, дай мне, пожалуйста, деньги на завтрак.

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Сколько?

ЛИЗА: Триста долларов.

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Зачем тебе такие большие деньги, детка?

ЛИЗА: Сам посчитай. Булочка сто баксов, кофе сто баксов и пирожок сто, итого ровно триста. По сегодняшнему курсу 15 000 рублей.

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Хорошо, вот тебе сто долларов, деточка, и чтобы без хороших отметок домой не возвращалась.

ЛИЗА: Хорошо, папочка, я буду очень стараться!

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: И веди себя как следует.

ЛИЗА: Я буду очень стараться, папочка!

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Портфель забыла.

ЛИЗА: Ах, да!

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Я хочу гордиться тобой!

ЛИЗА: Ты будешь мной гордиться, папочка!

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Постарайся вести себя на уроках примерно.

ЛИЗА: Я буду самой примерной ученицей, папочка.

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Ты интеллигент в четырнадцатом поколении, ты должна другим ребятам подавать пример.

ЛИЗА: Обязательно, папочка, я буду подавать пример другим ребятам.

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: И обязательно поднимай руку, не стесняйся поднимать руку.

ЛИЗА: Я буду тянуть руку, изо всех сил.

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Умничка, дай-ка я тебя поцелую.

ЛИЗА: Пока, пока, пока.

АВТОР: *Марихуана, привезенная из жарких степей Узбекистана, продолжала свое общее гуманитарное воздействие на гипофиз Андрей Ильича. Вдруг дверь открылась, и вошла Полина. Она была в переднике с бантами совсем такая, какой Андрей Ильич отправлял ее в первый класс средней школы, но только на высоченных каблуках.*

ПОЛИНА: Па, я забыла сменную обувь.

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Вот она возьми.

ПОЛИНА: В том, что случилось, па, виноват ты один, надо было пойти в кино, и тогда я бы не вышла на улицу.

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Нет, это ты виновата, доченька!

ПОЛИНА: В чем же, па, я провинилась?

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Сколько раз я тебе говорил, не гуляй допоздна, не выставляй напоказ свои длинненькие худенькие ножки, не мажь рожицу тайком, не подводи губы!

ПОЛИНА: Но я еще ребенок, я не знаю, какую власть над мужчинами имеет эстетика!

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Скажи, в тот роковой вечер ты подводила глаза, ты красила губы?

ПОЛИНА: О да!

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Скажи, деточка, а какая на тебе была юбка, коротенькая или длинная?

ПОЛИНА: Коротенькая.

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: А туфли, естественно, ты надела мамины, на каблуке?!

ПОЛИНА: Да, и чтобы они не болтались на ноге, под пятку я подложила ваточку.

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Так значит, ты была в коротком пальто, в короткой юбке, и губы твои были напомажены?

ПОЛИНА: Да, я еще надела остромодные лайкровые чулки с цветочным орнаментом по шву!

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Откуда же ты их взяла, милая?

ПОЛИНА: Скопила денег от завтраков и купила.

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Теперь понимаю, почему ты просишь на завтрак такие астрономические суммы.

ПОЛИНА: Па, ты никогда не давал мне больше десяти рублей.

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Только что я тебе дал триста долларов.

ПОЛИНА: Клянусь, ты никогда не давал мне таких денег!

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Так значит, ты была в коротком пальто, в короткой юбке, на высоких каблуках, да еще в остромодных чулках!

ПОЛИНА: Так точно оно и было!

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Зачем ты это сделала?! Я же запрещал тебе красить мордочку и все такое!

ПОЛИНА: Для того, чтобы навлечь на себя твой гнев, отец!

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Зачем же тебе мой гнев, дитя?

ПОЛИНА: Чтобы ты обратил на меня внимание, ведь если ты не бранишь меня, тогда и не замечаешь вовсе! А мне так хочется, чтобы ты поговорил со мной, все равно о чем и в каком тоне! Назло тебе я подводила глаза и копила на чулки! И еще, назло тебе, потому что я смеялась над тобой, над твоей нелюбовью ко всему современному, я всегда считала тебя старомодным дурачком.

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Вот видишь, девочка моя, надо слушаться родителей!

ПОЛИНА: Но и родители детей тоже должны слушаться детей.

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: В каком смысле?

ПОЛИНА: Я же говорила, что тебе надо бегать по утрам, ты не смог их догнать, папа! Ты совсем не занимаешься спортом.

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Я не поэтому не смог их догнать!

ПОЛИНА: Поэтому, поэтому, как ты смешно бежал, папа! Какой ты у меня слабенький, раньше я никогда не видела, как ты бегаешь, а теперь увидела: голова болтается, щеки трясутся, ноги заплетаются, как у пьяного. Храбрости, конечно, тебе не занимать, но одной храбрости, ты сам убедился, мало!

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: А что же еще нужно?!

ПОЛИНА: Сила и выносливость. Если останусь жива, каждый день буду тебя поднимать для пробежки! В семь утра. А потом душ и завтрак. Я сама буду тебя кормить завтраком, сама буду намазывать хлеб на масло, сама буду отправлять тебя на работу. Однако, есть и положительная сторона твоей немощи - когда на душе тяжело, вспоминаю твою трусцу и улыбаюсь, как весело у тебя заплетались ножки!

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Ты куда уходишь, Полина?

ПОЛИНА: Не знаю.

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Скажи, девочка моя, где тебя прячут, как мне найти тебя?

ПОЛИНА: Меня держат в кирпичном доме, взаперти.

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: А ты, случайно, не знаешь адреса?

ПОЛИНА: Нет, я не знаю, я только вижу из окна заводскую трубу и голубятню на крыше.

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Как ты себя чувствуешь, детка? Что они сделали с тобой?

ПОЛИНА: Поздно задавать вопросы, смирись, значит, так небесам было угодно, мы больше не увидимся.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ.

АВТОР: *На другой день Андрей Ильич почувствовал себя ужасно. Вдруг он осознал: жизнь бессмысленна! Наш герой набрал полную ванну горячей воды, положил на стеклянную полочку опасную бритву и, не раздеваясь, как был, в костюме и галстуке опустился в горячую воду. Он подождал, пока кровь в венах разогреется, взял в руки бритву. Ему не хотелось, чтобы вся оставшаяся жизнь пронеслась у него перед глазами, поэтому он решил закончить дело одним махом, одним резким движением. Только Андрей Ильич приложил лезвие к пульсирующей живой вене, вдруг зазвонил телефон. С обратной стороны вселенной раздался бойкий детский голосок.*

ГОЛОСОК: Алло!

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Да, слушаю вас.

ГОЛОСОК: Это зоопарк?

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Да, зоопарк.

ГОЛОСОК: Позовите, пожалуйста, к телефону бегемота

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Бегемот не может подойти к телефону, бегемот читает книгу. Могу позвать слона.

ГОЛОСОК: Позовите, пожалуйста, слона.

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Здравствуйте, слон слушает. Алле!

ГОЛОСОК: Ты слон?

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Я слон.

ГОЛОСОК: Слон, ты дурак! (смеется, бросает трубку, длинные прерывистые гудки)

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Действительно, дурак.

АВТОР: Иванов снова взял в руки бритву и только занес ее над веной, как позвонили в дверь. Андрей Ильич пошел открывать.

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Кто?

ПОЧТАЛЬОН: Почтальон, открывайте.

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Что надо?

ПОЧТАЛЬОН: Письмо вам заказное.

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Откуда?

ПОЧТАЛЬОН: Откроете дверь, тогда скажу!

*Входит почтальон. Женщина в пальто и фуражке.
Как полагается, с сумкой через плечо.*

ПОЧТАЛЬОН: Что за времена, что за нравы?! Через порог с человеком разговоры разговариваете, распишитесь, пожалуйста.

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ (расписывается): Давайте письмо.

ПОЧТАЛЬОН: Одну минуточку, так не отдам.

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Это почему?

ПОЧТАЛЬОН: Что вы сделали? Почему вы крестик напротив себя поставили? Я же сказала, распишитесь, как следует. Или вы неграмотный?

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Грамотный.

ПОЧТАЛЬОН: Тогда распишитесь по-человечески! Телеграмма с доставкой, мне отчитаться надо!

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Я не хочу по-человечески.

ПОЧТАЛЬОН: Почему вы не хотите по-человечески?

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Потому что мне чуждо все человеческое! В этом эпитете, который вы употребили, ничего хорошего нет. Это страшно по-человечески, это ужасно невыносимо жить в этой человеческой оболочке. Я не знаю, как угораздило мою бессмертную душу попасть в эту оболочку. Я подозреваю, что человеческое представляет собой не венец природы, как нам внушали с детства, а самую обыкновенную ловушку.

Я подозреваю, что мир, в котором мы существуем, есть не космос, но обыкновенная яма на пути к водопою, прикрытая ивовыми листьями и лапником. И мы с вами уже провалились в эту яму, мы на самом ее дне. И если все живущие на этой планете станут друг другу на плечи, чтобы выбраться из этой ямы, поверьте, ничего не получится! По-человечески - это значит, на самом дне, в крошечной тьме!

ПОЧТАЛЬОН: Спасибо, крестика достаточно, я пошла!

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Постойте, послушайте. Я еще не закончил! Вы понимаете, кому нужно было так все устроить. У человеческой жизни есть начало - рождение. Прекрасно! Но у нее нет финала. Все мы, все до одного провалимся во тьму! И вы тоже, рано или поздно. Одни при загадочных обстоятельствах, другие от старости. Но какая разница! Мы все жертвы!

ПОЧТАЛЬОН: У меня и так с девяти лет проблемы с двенадцатиперстной кишкой, а вы мне еще такие вещи рассказываете! Извините, гражданин, мне нервничать врачи не рекомендовали. Письмо вам, кстати, из-за границы (почтальон уходит).

АВТОР: *У Андрея Ильича похолодела душа. Он вспомнил, что когда-то читал статью о борделях в Малой Азии, о публичных домах Таиланда, где несовершеннолетних девочек привязывают цепями к кроватям.*

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ (достаёт из конверта лист, читает):

Уважаемый господин Иванов! Европейская ассоциация зоологов имеет честь пригласить Вас принять участие в научной конференции, посвященной проблемам экологии. Конференция пройдет в Ганновере с 20 по 26 января 2018 года. Просим вас сделать доклад на тему механизмы анабиоза. Расходы по вашему перемещению в пространстве и проживанию берет на себя Берлинский университет. Ждем с нетерпением.

АВТОР: Андрей Ильич улыбнулся, достал с антресолей дорожный чемодан и стал лихорадочно собираться в дорогу!

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Урра! Это выход! Уехать! Бежать! Эмигрировать в Европу! Где мой дорожный чемодан?! Сменить все страну, улицу, одежду, речь, веселое русское сумасшествие на бравый немецкий педантизм. Забыть навсегда о прошлом, начать жизнь сначала! Это Мартин организовал приглашение на конгресс, первое время я проживу у него, а там получу место в университете. Он поможет найти работу, с языками проблем нет! Продать квартиру и вон отсель!

Звонок в дверь.

Входит соседка, старуха, Ариадна Артемьевна.

АРИАДНА: Здравствуй, соседка, Андрюша, голубчик ты наш.

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Приветствую вас, коль не шутите.

АРИАДНА: Чего дверь-то оставляете открытой? Что, сквозняков перестали бояться?

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Зачем пожаловали, Ариадна Артемьевна?

АРИАДНА: Я за солью пришла, соли щепоточка не найдется-чи?

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Свою соль надо иметь, сколько же можно соли попрошайничать? Небольших денег стоит.

АРИАДНА: Никаких денег не напасешься, мы с Петровичем в день по одному пуду съедаем, он у меня сильно запойный человек, то кому-нибудь морду настигает, то сам вдруг по неосторожности покалечится.

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Куда ж в вас столько влезает? Я же вам вчера пачку отдал!

АРИАДНА: Лижем соль, как олени! Неприятностей, хоть отбавляй, тяжелая пошла жизнь. Вся соль на слезы уходит. Вот вчера нас верхние соседи затопили.

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Пить вам надо меньше, будет жизнь полегче.

АРИАДНА: Легче уже никогда не будет, соседка, не нужна нам легкая жизнь, скучная она, не созданы мы для нее. Куда это ты собираешься?

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Подальше от этих мест.

АРИАДНА: А надолго?

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Навсегда.

АРИАДНА: Это куда же?

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: В Германию, прощайте, солитесь без меня.

АРИАДНА: Да ты что, с ума своротился? Какая Германия?

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Обыкновенная.

АРИАДНА: Немецкая что ли?

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Ну а какая еще?

АРИАДНА: Бедненький, что ж ты там забыл?

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Не могу я здесь больше жить!

АРИАДНА: Чего это не можешь?

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Страшно мне, Ариадна Артемьевна.

АРИАДНА: А что это тебе страшно-то?

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: А то и страшно, что не знаешь, что с тобой завтра будет.

АРИАДНА: Так на все воля Божия, что надо, то и будет.

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Сначала тысячелетнее рабство, потом убийство царя, еврейские погромы, революция, сталинизм, перестройка и вот результат - страна становится напроць криминальной. Никаких гарантий безопасности - никому, никогда, никаких. Не было здесь жизни никогда, нет и не будет!

АРИАДНА: Это, Андрюша, у тебя паника. Хошь сто грамм для укрепления патриотического духа? Я и стаканчики с собой прихватила.

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Я не пьющий.

АРИАДНА: Вот. Поэтому тебя и колотит. Глотни сто грамм. Чем тебе Родина не пригодилась? Хорошая страна.

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Да ничего хорошего.

АРИАДНА: Да ладно, перестань, вот бывало на Волге под Ульяновском в Жигулях какая красотища: выйдешь на утес и смотришь тысячи миль окрест - все видать! А рыба какая, а грибочки, а огурчики, а какая капусточка! Хрустящая. Все можно засолить! Всю зиму пей да закусывай.

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Да полно вам врать, Ариадна Артемьевна, вы на Волге никогда не были.

АРИАДНА: У меня зато репродукция есть. Целый набор открыток: «Города Поволжья».

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Вот вашему Петровичу от меня подарок - рубашка.

АРИАДНА: Благодарствуйте. Хорошая.

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Хватит, натерпелся!

АРИАДНА: Выпей, касатик.

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Сами пейте свое пойло.

АРИАДНА: Последний раз предлагаю. Сто грамм за родимый край.

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Я не пьющий.

АРИАДНА: Совсем?

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Абсолютно.

АРИАДНА: Вы человек неправильный, нездоровый, неестественный.

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Почему вы так считаете?

АРИАДНА: Потому, что разум - ужасная вещь. Не пожалела природа человека, наделила самосознанием, все животные твари наслаждаются бессмысленной жизнью, а мы думаем, мучаемся. Поэтому надо уметь забыться.

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Куда я положил бритву?

АРИАДНА: Я еще поживу лет тридцать-сорок и поеду в Жигули умирать. лягу на утес и небо буду смотреть. На Родине и смерть сладка. А что в Германии? Немецкая смерть горькая, противная русской душе!

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Вот вам соль, всю забирайте.

АРИАДНА: Одумайся, миленький! Не бросай нас. Как же это мы без тебя!?

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Ладно вам накручивать, мы видимся раз в полгода, когда мусор выносим.

АРИАДНА: Да все равно, подумаешь, что за стеной живет такой приличный человек, да и на душе потеплеет!

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Вы явно преувеличиваете мои заслуги.

АРИАДНА: Ну что ж, уезжай, а мы твою соль будем есть.

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: На здоровье.

АРИАДНА: Ну, дай я тебя обниму на прощание.

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Ариадна Артемьевна! Некогда!

АРИАДНА: Родину поменять - это не штаны старые снять, а новые набрючить. А ты поплачь, может быть тебе легче станет.

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: До свидания, Ариадна Артемьевна.

АРИАДНА: Как же так, задумайся ты же ученый человек, Андрюша.

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Ну и что?

АРИАДНА: Эх, беда, беда, опять от нас мозги утекают!

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Что, что? О чем это вы?

АРИАДНА: Серое вещество. У нашей Родины, у России то есть, в черепе трещина. Мозги утекают, говорю. Оставайся, ты Родине нужен. Мы и так свой последний генофонд разбазарили.

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Откуда это вам стало известно?

АРИАДНА: А ты что, газет не читаешь, телевизор не смотришь?

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: До свидания, Ариадна Артемьевна.

АРИАДНА: Ай, беда какая, беда, остаются самые тупые! Я да Петрович. Мы же страну, Россею родимую совсем загубим.

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Не паникуйте, уж как-нибудь с Божьей помощью.

АРИАДНА: Дезертир! Сволочь! Предатель! Мразь! Перебежчик! Ненавижу!

СЦЕНА ПЯТАЯ.

АВТОР: *Все свободное время Андрей Ильич бродил по Ганноверу, знакомился с милыми людьми, широко улыбался и старался думать на родном языке, то есть по-немецки. Пятнадцатого предстояло сделать доклад на зоологическом конгрессе на тему «Анабиоз или сон подо льдом лягушки обыкновенной». В полдень Иванов выпил крепкий кофе и через час воодушевленный и совершенно счастливый вошел в переполненный конференц-зал, и занял свое место в пятом ряду. Начались доклады, диспуты и рукоплескания. Наконец вызвали господина Иванова. Он взлетел на кафедру и занял место за красивой трибункой.*

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Сегодня, господа, у нас настоящий научный праздник. Редкое изобилие остроумных идей. Но у меня есть подозрение, господа, что мы с вами не тех животных изучаем.

В первую очередь, нам следовало бы изучить совершенно других животных, совершенно иных зверей. А именно, тех самых животных и зверей, которые рождены в облике человеческом.

Они обладают абсолютной схожестью с “Homo Sapiens” и даже умеют разговаривать, они обладают именем и прямохождением, но это чисто внешние признаки. У них нет главного, того самого, что отличает человека от животного: совести, сочувствия к ближнему. Этот подвид я бы назвал человекоподобное животное. Давайте с вами посмотрим, что пишут газеты в разделе криминальной хроники. Сколько ни в чем не повинных людей каждый день становятся их жертвами. И это наша с вами вина. Нас привлекают медведи, кабаны и рыси, но вы, наконец, поймите, самое неизученное животное - это животное в человеческом облике.

Давайте всерьез займемся изучением этого подвида хищников. Они опасны, многие из них достаточно хитры и умны, много раз им уже удавалось приходить к власти, и это каждый раз заканчивалось катастрофой для миллионов людей. Признаемся. Во многих странах мира в разные

времена у власти стоят животные. А потом мы жалуемся на то, что у нас слишком уж кровавая история.

Мы все оказались в положении овец, и никто не знает, когда пробьет час каждого из нас! Ну что, сделаем еще одну попытку обратить волков и гиен в христианство? Бесполезно. Возьмите любого, самого интеллектуального зверя, например, крысу, и попробуем обратить ее в христианство или буддизм. Попробуйте дикую собаку научить соболезновать, прощать и подставлять другую щеку!

И мы до тех пор будем в положении жертв, пока не уменьшим численность популяции и не изучим ее представителей.

В заключении скажу: у них нет ни морды, ни хвоста. Но в метафизическом смысле у них есть и хвост, и морда.

СЦЕНА ШЕСТАЯ.

АВТОР: *Андрей Ильич закончил, спустился с трибуны, пошел между рядами и вышел из зала, взял такси и поехал на вокзал.*

Была глубокая ночь. Поезд давно миновал границу, он увозил Андрея Ильича на Родину. С каждым ударом колес воздух все сильнее сгущался, теряя свойства газа и превращаясь в минерал. Стало невыносимо душно, Иванов проснулся, поднял занавеску. За окном пела метель. Вдруг поезд остановился. Иванов принял единственно правильное решение: оделся, накинул пальто и вышел на перрон.

ПРОВОДНИЦА: Доброй ночи, товарищ, что не спится?

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Сколько стоим?

ПРОВОДНИЦА: Кто стоит, а кто едет, военному составу зеленый свет даем. Три минуты еще.

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Который час не подскажете?

ПРОВОДНИЦА: Три ночи.

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Что за станция?

ПРОВОДНИЦА: Полустанок. Барятино.

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Это где такое?

ПРОВОДНИЦА: А у черта на рогах. Вы куда?

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Пойду, сигарет куплю.

ПРОВОДНИЦА: Сигареты в вагоне-ресторане, здесь пустыня, ни одной живой души на тысячи миль окрест. Застегнись, мороз тридцать градусов.

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Пойду, пройдусь, разомнусь немного.

ПРОВОДНИЦА: Смотри, от поезда отстанешь. Ты куда, заморозишься! Околеешь!

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: А кому от этого хуже станет?

ПРОВОДНИЦА: Все, трогаемся, возвращайся.

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Счастливого пути, мы остаемся.

АВТОР: Дорога вела в поле. Он слышал, как ушел поезд. На душе было прекрасно и весело! Страх был побежден и инстинкт самосохранения тоже. Андрей Ильич бежал пританцовывая, кружась, вприпрыжку и хохоча. Он сбросил с себя пальто, оно давило на плечи, оно давало шанс выжить, дожить до утра. Ветер пронизывал его тело насквозь стальными холодными иглами, но Андрей Ильич уже не чувствовал холода, он смеялся, как царь, как ребенок, как филин, смеялся и кружился в диком танце. Стало тепло, и захотелось спать.

Обессилевший, он прилег на сугроб, положил под щеку ледяную ладонь и навсегда смежил глаза.

Вдруг он услышал рядом с собой живую человеческую речь. Это она, это метель заговорила живым человеческим голосом.

МЕТЕЛЬ: Итак, милый, подведем первые итоги: отморожены нос, уши и пальцы на ногах... ну, что дальше? Ты опять демонстрируешь самому себе свое собственное безумие. Сначала желание покончить жизнь самоубийством, потом эмиграция, а теперь разыгрываешь дешевый фарс: бросил в снег пальто и в одной рубашке идешь навстречу Вечности. Милый, ты очень плохой артист. У тебя не получится столь эксцентричным поведением обмануть собственную совесть. Сам себе расскажи единственную правду, сними камень с души!

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: И в чем же, по-твоему, эта правда?

МЕТЕЛЬ: Ты никогда не любил свою дочь.

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Ложь, я любил ее всем сердцем, она мое дитя.

МЕТЕЛЬ: Не любил, никогда не любил, даже тогда, когда она была трехлетней малышкой, помнишь, она забиралась тебе на колени и просила сыграть с ней в ее любимую игру «ехали-приехали». Она забиралась к тебе на колени, и ты ждал, когда она оставит тебя в покое и уйдет.

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Глупая игра. Дело не в девочке, я не любил именно эту игру, а дочку любил.

МЕТЕЛЬ: Ложь. Я метель, меня никому не удавалось обмануть. Когда она была грудным ребенком и ночами плакала в колыбели, ее крик вызывал в душе волну гнева.

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Меня раздражает, когда кричат дети.

МЕТЕЛЬ: Раздражает, как кричат дети, как они ходят, разговаривают, смеются, ползают, ломают, сбрасывают вещи со стола, повсюду суют свой нос. Они приносят в этот мир хаос, а ты сторонник порядка! А когда случилась беда, ты стал симулировать отчаяние. Великолепное, ужасное, художественное молчание. Чтобы у тебя самого сложилось впечатление, будто ты ее безумно обожал!

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Неправда, я страдал и страдаю, и мое страдание истинно.

МЕТЕЛЬ: Когда она подросла, ты спрашивал: “Как дела, доча?”. Она отвечала: “Хорошо, па.” И этими двумя репликами ограничивалось ваше общение. Ты не обращал на нее никакого внимания. Она появлялась в твоей жизни только тогда, когда мешала тебе жить. Мешала читать, мешала думать, мешала распоряжаться свободным временем... и так далее.

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Ну, что ты замолчала, говори, говори.

МЕТЕЛЬ: Когда она подросла, ты обнаружил в ее характере нечто тебе совсем чуждое.

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Да, моя девочка чересчур склонна к самолюбованию, я не принимаю людей, которые выпячивают себя. Я корректно пытался ей это объяснить.

МЕТЕЛЬ: Жестоко отчитал ее, когда она час говорила о том, какая она умная, красивая и талантливая. Ты сказал, что это нескромно говорить о самой себе столь возвышенно.

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Было.

МЕТЕЛЬ: А она спросила: «Папа, а ты скромный?»

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Я сказал, что скромный

МЕТЕЛЬ: А она ответила...: «Папа, ты не скромный, ты пришибленный». И это была ваша первая серьезная ссора.

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Ребенок, тринадцати лет, она сама не знает, что лопочет!

МЕТЕЛЬ: Но тогда впервые ты испытал к ней ненависть. Вскипел, но виду не показал. Потом ей стали звонить мальчики. И приходиться в гости. На всех ее сверстниках лежала печать душевной пустоты. Полного равнодушия к жизни, ее тайнам, к науке, искусству, литературе. Ты презирал и дочь, и ее друзей, и подруг. Тебя раздражала их одежда, их мода, их жаргон, их речь, музыка. Тебе понравилась другая девочка, ее подруга Таня Кузнецова. Ты подумал:

«Вот если бы Танечка была моей дочерью, она скромная и умная девочка. Скромная милая рассудительная».

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Верно, я так подумал.

МЕТЕЛЬ: Ты не признаешь родства по крови, ты сам говорил, что люди, прежде всего, родственники по духу.

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Я так считаю. Я убежден, что именно так и должно быть.

МЕТЕЛЬ: А что было потом? Ты решил спрятаться, отгородиться от своего собственного ребенка за равнодушием и бесконечной занятостью.

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Верно.

МЕТЕЛЬ: Ну, тогда к чему этот напускной трагизм, эти игры в самоубийство, отчаяние, слезы, жалобы на судьбу? Это безумие. Не горе терзает тебя, позерство.

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Но все-таки, она моя дочь.

МЕТЕЛЬ: Это ничего не значит. Она чужой тебе человек. Помнишь, как однажды ты сказал своей жене...: “Ну, какой я отец, Наташа, я кукушка!”

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Наверное, я сам виноват, я что-то упустил, я мог спасти наши отношения.

МЕТЕЛЬ: Поздно.

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Почему?

МЕТЕЛЬ: Потому, что скоро тебя не станет. Через несколько минут ты околеешь, превратишься в кусок льда. А весной растаешь, сойдешь вместе со снегом. Умирай. Посмотри, сколько пуха носится в воздухе! Ложись на эту мягкую чудесную перину и спи. Впереди вечность!

АВТОР: *Перина действительно была очень мягкой, безумно хотелось спать, но Андрей Ильич решил не ложиться так рано, все-таки тридцать семь не такое уж позднее время. От былой экзальтации не осталось и следа. Просто какой-то человек сильно обмороженный шел к железнодорожной станции, преодолевая смертельный сон. Шел без песен и танцев, молча. Метель стихла. Светало. Совершенно случайно он нашел под снегом свое пальто - правая нога чудесным образом попала в карман. Он благополучно добрался до станции, поднялся вверх по лестнице на перрон, у края которого стоял уже совершенно другой состав. Из шестого вагона вышла проводница.*

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Я отстал от поезда, вы не могли бы меня подобрать?

ПРОВОДНИЦА: А чем расплатиться имеется?

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Немецкие марки.

ПРОВОДНИЦА: Годится.

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Поезд куда следует?

ПРОВОДНИЦА: На юг, в Анапу.

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Там тепло?

ПРОВОДНИЦА: Тоже зима, но потеплее, однако, будет, чем в этой дыре.

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Благодарю, я хочу к солнцу.

ПРОВОДНИЦА: В пятом купе есть свободное место, проходите.

СЦЕНА СЕДЬМАЯ.

АВТОР: *За ним захлопнулась железная дверь, поезд тронулся. Через двадцать часов ровно прибыл в пункт назначения. Андрей Ильич сразу же направился к морю, достал паспорт из внутреннего кармана и бросил его в набегающие волны. Городской пляж и вид на бухту показались ему знакомыми. Вечером он зашел на почту и дал сразу восемь телеграмм по различным адресам. Во всех телеграммах слова и точки были одни и те же, в одной и той же последовательности: "Меня не ищите, меня больше нет. Прощайте". Теперь надо было найти дом и снять комнату внаем.*

ОЛЯ: Вы по объявлению?

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Ага.

ОЛЯ: Комнату хотите снять?

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Угу.

ОЛЯ: Одну комнату?

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Ага

ОЛЯ: Один будете жить?

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Ага.

ОЛЯ: Вы гулите, как грудной ребенок. Вы говорить умеете?

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Да.

ОЛЯ: Тогда говорите, кто вы и откуда.

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Я никто и ниоткуда. Я только что родился, только сегодня появился на свет.

ОЛЯ: В пальто и ботинках?

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: В том смысле, что я хочу начать жизнь сначала.

ОЛЯ: Как вас зовут?

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: У меня еще нет имени.

ОЛЯ: Как же мне прикажете вас звать?

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Как пожелаете.

ОЛЯ: Я буду звать вас Алоизюис.

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Странное имя.

ОЛЯ: Так звали моего любимого поэта, он жил в Дижоне, во Франции, двести пятьдесят лет тому назад, Алоизюис Бертран писал стихи в прозе. Он умер молодым, в двадцать четыре года.

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Печальная история.

ОЛЯ: А что может быть выше печали?

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Я похож на Алоизюиса?

ОЛЯ: Никто не знает, как он выглядел, от него не осталось ничего кроме сборника стихов с красивым именем на обложке, но... у вас в глазах дикая боль, она трогает мое сердце, равно как и поэзия Алоизюиса.

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Договорились, я буду Алоизюисом, мне нравится это имя.

ОЛЯ: Жизнь ужасна, не так ли?

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Невыносимо ужасна.

ОЛЯ: Но это и прекрасно, верно?

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Верно. Я могу войти в дом?

ОЛЯ: О, не торопитесь! Вы любите печальную музыку?

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Нет.

ОЛЯ: Однако полюбите, дайте мне слово.

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Зачем?

ОЛЯ: Я люблю сентиментальную музыку, стихи, осень, штормовое море и вы должны полюбить то, что я люблю.

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Я все это люблю, так же, как и вы. Я могу войти, мне холодно на сквозняке.

ОЛЯ: Сначала оговорим условия проживания, вы говорите по-французски?

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Я разговариваю на пяти европейских языках.

ОЛЯ: Иногда, мы будем говорить по-французски.

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Обещаю.

ОЛЯ: Мы будем пить вино, болтать по-французски, и гулять берегом моря, собирать забавные камешки и полированное волнами стекло. Скажите, вы любите поэзию, monsieur?

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Да.

ОЛЯ: Пишите стихи?

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Нет.

ОЛЯ: Вы будете писать стихи.

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Это не трудно, я с радостью.

ОЛЯ: Я желаю, чтобы писали стихи в прозе, Алоизюис писал в прозе.

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Хорошо, я буду писать в прозе.

ОЛЯ: Алоизюису подражал monsieur Тургенев.

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Я научусь писать стихи в прозе, madame.

ОЛЯ: А я буду использовать рифму, так возникнет великая космическая полифония.

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Прекрасно. Давайте о деньгах.

ОЛЯ: Я не возьму с вас денег.

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Почему?

ОЛЯ: Потому, что есть вещи, которые выше денег.

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Например?

ОЛЯ: Печаль, боль, тоска, разочарование, депрессия, в конце концов.

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Есть еще какие-нибудь условия?

ОЛЯ: Алоизюис, вы любите любить?

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Разумеется.

ОЛЯ: Вы будете любить меня.

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Вы прекрасны, как Солнце, об этом можно только мечтать.

ОЛЯ: Нежно, всем сердцем.

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: А как иначе?

ОЛЯ: Так, как любят ангелы друг друга в Эдеме.

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Всем сердцем, нежно, как ангел, обещаю.

ОЛЯ: И еще плотски, отчаянно, до безумия.

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Так и будет.

ОЛЯ: Я нимфоманка, я помешана на эротике и сексе!

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Всю жизнь мечтал найти такую женщину.

ОЛЯ: Здесь... на берегу моря мы создадим наш маленький рай.

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: На двоих.

ОЛЯ: Посторонним вход воспрещен.

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Мы спрячемся от этого безумного мира.

ОЛЯ: Мое настоящее имя Элоиза, Ольга Фирсовна Розенталь - это для дураков и профанов.

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Два ангела Алоизюис и Элоиза в маленьком заснеженном раю на берегу вечного моря, а летом мы будем нежиться на солнце. Вы плачете?

ОЛЯ: От счастья, Алоизюис. Входите, наконец, что ж это вы в дверях застыли, как изваяние. Входите, входите, входите!

АВТОР: *Спустя неделю учительница французского языка средней школы номер один города Анапа Ольга Фирсовна Розенталь, а именно в ее дверь постучался человек, которого когда-то звали Андрей Ильич Иванов, написала в письме подруге:*

ОЛЯ: И надо же такому случиться. Однажды звонят в дверь, я открываю, на пороге подкидыш, Ангел, я смотрю ему в глаза и понимаю, это он, мой возлюбленный Алоизюис. Он воскрес ради нашей любви, прошел сквозь толщу времени и космические штормы, постучал в мою дверь. Натура возвышенная, трагическая и утонченная. Он много бед пережил в жизни, он много страдал. Его высокая печаль трогает душу. Мы читаем стихи, гуляем берегом моря, пьем вино, говорим о литературе и живописи, он превосходный, нежный любовник. Ему все кажется, что когда-то, очень давно он бывал в этих местах.

ОЛЯ: Море великолепно в любую погоду, правда?

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Даже не верится, что недавно был шторм, и утонул сейнер.

ОЛЯ: Я слышала, и все матросы погибли, все до одного.

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Кто-то лежит на самом дне, кого-то уносит течение!

ОЛЯ: Впечатляющая, трагическая картина! Пора ужинать, я приготовила рыбу, купила молодое домашнее вино.

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Моряки погибли, а мы остались в живых. Может быть, они когда-то эту рыбу поймали, когда еще были живы, а мы ее будем кушать, с лимоном и базиликом, запивать красным вином.

ОЛЯ: Я уверена, это они поймали нашу рыбу.

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Они поймали, а мы будем есть.

ОЛЯ: С бон аппетитом, мой друг, уплетать будем за обе щеки!

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Мистика-с!

ОЛЯ: Еще живая, рыба билась в сетях, после на палубе и проклинала добытчиков, и через неделю судно затонуло. Разве это не тема для поэмы, мой Алоизюис?

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Это тема, безусловно тема.

ОЛЯ: Вы сегодня что-нибудь написали?

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Ничего серьезного.

ОЛЯ: Плохо, вы стали лениться, мой гений.

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Я исправлюсь.

ОЛЯ: Будьте так любезны.

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Позвольте мне задать вам вопрос, Элоиза! Вы молодая, красивая, и никогда не были замужем, почему?

ОЛЯ: Мне хронически не везет в любви. Стоит мне полюбить мужчину, как небо затягивает облаками, поднимается сильный ветер, штормит, и моего мужчину тут же сдувает ветром.

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Забавно. А что, у вас были такие маленькие, легкие мужчины?

ОЛЯ: Нет, это были титаны, огромные, тяжелые мужчины.

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Странно...во всем виноват ветер, так получается?

ОЛЯ: Море то и дело штормит.

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: В таком случае, надо было спрятаться, уехать в большой город.

ОЛЯ: Милый, милый Алоизиус, в глубине души я не верю в счастье.

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Напрасно.

ОЛЯ: Почему напрасно?

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Потому, что я и есть тот самый человек, который способен вас сделать счастливой.

ОЛЯ: И на чем основана ваша убежденность?

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Я многое в жизни пережил и только теперь осознаю..., какую невероятную ценность представляет собой простое человеческое счастье, я желаю, Элоиза, чтобы мы с вами прожили здесь у моря, на краю мира огромную, счастливую жизнь.

ОЛЯ: Мужчины так непостоянны, и все до одного не ценят счастья.

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Я готов дать самую страшную клятву, я буду любить вас до гробовой доски!

ОЛЯ: Bravo, милый! Голова у рыбы- самое вкусное... погрызите этот хрящик, высосите из него рыбий мозг!

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Столько лет вы прожили одна в большом доме на самом краю света? Неужели вам не страшно по ночам, Элоиза? А если кто-нибудь войдет в дом, а если они будут не одни? У вас даже нет собаки. Даже если вы закричите, вас никто не услышит!

ОЛЯ: Мне не страшно. У меня есть ружье и боезапас к нему.

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Дайте посмотреть, никогда в жизни не держал в руках оружия.

ОЛЯ: Мне его оставил отец, он увлекался охотой. Вот, видите, один ствол нарезной, другой гладкий.

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Вы умеете стрелять?

ОЛЯ: Да. С восьми лет он приучил меня стрелять, мы ходили с ним на старый пляж и стреляли в старое ведро, мой Алоизиус.

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: А давайте, вы научите меня стрелять, Элоиза, я никогда в жизни не пробовал.

ОЛЯ: Обещаю, поедem на дикий пляж за город, поставим ведро с песком, будем стрелять ради развлечения.

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Прекрасно! А вы что-нибудь написали?

ОЛЯ: Да, сегодня ночью. Послушайте, мой друг.

на ангеловом теле
две бабочки сидели
глота я летний сад
одна держала в лапках
коробку карамели
другая пила жадно
цветочный шоколад

лежала жаба рядом
под ливнем- звездопадом
мечтая о вине
потом достала зонтик
кувшинки белый ломтик
и скрылась в глубине

но облако сорвалось
с небес и жить осталось
две капли три глотка
и бабочки опали
рассыпались пропали
как лепестки цветка

под коркой ледяною
в пещере под землею

в гробу из хрусталя
заснула как принцесса
квакушка поэтесса
печальна и легка

АВТОР: *Спустя три недели старый маршрутный автобус отвез их на дикий пляж. Шел снег, с моря сквозил холодный норд-ост. Они поставили рядом два топчана, а на третий, что стоял на кромке воды у моря, поставили ведро с песком. Оленька выстрелила..., из ведра тонкой струйкой посыпался песок. После она отдала ему винтовку.*

ОЛЯ: Не волнуйтесь.

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Первый раз в первый класс.

ОЛЯ: Цельтесь через прорезь. У вас мушка дрожит, расслабьтесь.

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Я не могу расслабиться, я волнуюсь

ОЛЯ: Не волнуйтесь, наоборот, подумайте о чем-нибудь приятном, выстрел должен прозвучать для вас неожиданно.

АВТОР: *Выстрел прозвучал неожиданно. Вдруг Андрей Ильич вспомнил, как тринадцать лет тому назад отдыхал на похожем пляже, втроем:*

Ильич, Наташа и Полина. В одно мгновение он вспомнил тот день до мельчайших подробностей:

дрожащий воздух над раскаленным песком

голубая полоска моря

облака в голубом небе в форме фантастических животных

трехлетняя Полина строит песочный замок на отмели

юная жена с романом Гюго в правой руке

они обе жена и дочь бросаются в волны

из моря возвращаются обе

обнимают и целуют Царя

восседающего с бутылкой пива на брезентовом троне

две мокрые холодные русалки

счастье было

счастье было

счастье было

Андрей Ильич вскочил, закинул ружье за спину и побежал к шоссе, он не обернулся на голос Элоизы, рай был брошен навсегда, он увидел только, как мимо пролетели по ветру две маленькие холодные слезы. Это были слезы учительницы французской словесности Ольги Фирсовны Розенталь.

СЦЕНА ВОСЬМАЯ.

Накануне Рождества глубокой ночью, измученный тяжелой дорогой Андрей Ильич вернулся в Москву для того, чтобы отомстить за потерянное счастье. Надо было срочно остановить рост популяции зверей в образе человеческом. За каждым выстрелом следовала дневниковая запись:

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Где мои черепаховые очки? (открывает дневник, читает): Два хулигана избивали подростка, оба расстреляны у станции метро. 10 декабря. Садист в гаражах хотел на проволоке повесить собаку. Убит наповал. 11 декабря. Негодяй вырвал кошелек у старушки, тяжело ранен в плечо.

Девятый выстрел был особенно памятным, промахнуться было мудрено, матерый хищник пытался изнасиловать прекрасную незнакомку в Солнцево, Андрей Ильич не промахнулся, выстрел был прекрасный... наповал.

Улица, ночь.

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Добрый вечер, здравствуйте, как вы себя чувствуете?

ДАМА: Я себя ужасно чувствую!

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Я понимаю, понимаю... .

ДАМА: Это вы стреляли?

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Я.

ДАМА: Негодяй!

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Таких надо душить в колыбели, я услышал, как вы звали на помощь. Вам повезло, я оказался рядом.

ДАМА: Я не об этом несчастном мальчике.

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: О ком?

ДАМА: О вас! Вы сволочь!

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Разве я-то в чем провинился?

ДАМА: Идиот!

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Это опять в мой адрес?

ДАМА: Да.

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Объяснитесь.

ДАМА: Что же вы наделали?!!

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Вам его жалко? Это не человек, это зверь в образе человека! Я убил его.

ДАМА: А у вас, извините, хорошее зрение?

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Вы ранены?

ДАМА: Нет.

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Пожалуйста, я надену очки... ну? Так в чем же дело?

ДАМА: Посмотрите, что случилось с моим платьем! Подонок!

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Так вам платье жалко?

ДАМА: Это же мое самое лучшее, мое самое любимое, это мое единственное платье, все... alles... больше у меня нет ни одной приличной вещи. Оно все бурое от крови.

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Но это же не ваша кровь.

ДАМА: Какая разница, чья это кровь! Как будто не знаете, что она не отстирывается! Это было мое любимое платье! Из настоящего китайского белого шелка, десять тысяч рублей один погонный метр, плюс работа портного, плюс пуговицы из натурального перламутра.

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Странное вы, однако, создание!

ДАМА: Это я-то странное создание!?

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Я только что спас вашу честь, а может быть вашу жизнь!

ДАМА: А позвольте узнать, почему квадратный метр вашей хваленной чести?

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Дороже всех денег на свете!

ДАМА: Ни хрена она не стоит, она только тогда чего-нибудь стоит, ваша хваленая честь, когда кто-нибудь о бесчестии узнает, хоть одна живая душа, знающая тебя по имени! Но если о бесчестии знаю я одна, тогда она, ваша честь, не стоит ломаного гроша. Он бы меня изнасиловал тихо и красиво, изящно, и я бы не стала кричать и звать на помощь, а наоборот, попыталась полностью расслабиться и насладиться, у меня три года не было мужчины, ты понимаешь, ненормальный, три года! Мы бы мирно по-хорошему расстались, насильник и жертва. Но не стали бы об этом писать в газетах, малыш не снимал на телефон. По дороге на тусовку, я заехала бы в магазин, купила новые чулки, переоделась в торговом центре в туалете, поправила макияж и была бы как новенькая! Даже лучше! Да я бы с тремя такими озабоченными справилась... запросто и еще бы удовольствие получила бы... Посмотрите, какой он милый, симпатичный, зачем вы убили его! Да этот мальчик, он в тысячу раз лучше вас. Просто ему хотелось любви, вы понимаете, ему хотелось любви!

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Я не пойму, вы это всерьез говорите или шутить изволите?

ДАМА: Идите к чертовой матери! Мне надо срочно ехать домой, горе, какое горе! Такси. Такси! Такси!!!

СЦЕНА ВОСЬМАЯ.

АВТОР: Однажды в полдень, прогуливаясь по бульварам, наш герой заметил любопытную особь. Зверь был одет по последней моде. Андрей Ильич знал его в лицо благодаря телевизионным выступлениям. Это был политик, матерый хищник. Профессор среагировал моментально, достал из-под полы пальто ружье и выстрелил. В голову! Когда зверь упал, Андрей Ильич бросился прочь, на всякий случай оглянулся и к своему удивлению обнаружил, что за ним по пятам гонятся два крепко сбитых коротко стриженных парня. Расстояние трагически сокращалось. Иванов завернул за угол дома и нырнул потихоньку в подъезд. Лифт стоял наготове на первом этаже. На последнем этаже кабинка остановилась. Наш услышал шаги преследователей и их голоса. Они поднимались все выше и выше. Спрятаться было негде. Андрей Ильич, уселся на холодный кафель и стал ждать трагической развязки. Однако правая его ладонь была против капитуляции. Именно она отыскала какой-то странный металлический

предмет в правом кармане пальто. Это был ключ от квартиры. Напротив была дверь.

Ключ вошел в скважину легко, как нож в масло, замок хрустнул, втянув стальной язычок. Сердце колотилось, как сумасшедшее. На четвереньках Андрей Ильич заполз в чужую квартиру и нежно закрыл за собой дверь. По ту сторону от услышал отборный русский мат, по эту сторону спасительницы двери кто-то плескался в душе, напевая тоненьким высоким голосом арию из Кармен-сюиты. Андрей Ильич спрятал ружье под пальто. Вспыхнул яркий свет в прихожей. Женщина вышла из ванной и предстала перед его взором в ярком китайском халате. Драконы, вышитые золотой ниткой, показались удивительно знакомыми, равно как и голос заговорившей с ним женщины.

НЕЗНАКОМКА: Здравствуй, Андрюша, что с тобой, вставай.

АВТОР: *Андрей Ильич пошире открыл глаза и узнал человека, стоящего рядом с ним. Это была его родная жена, Наталья Игоревна. Более того, как ни странно, Андрей Ильич к своему удивлению узнал прихожую собственной квартиры, той самой на Больших Грузинах. Вот оно зеркало, бордовые стены, трюмо с инкрустацией.*

НАТАЛЬЯ ИГОРЕВНА: Что с тобой, почему ты лежишь на полу?

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Тише, говори шепотом.

НАТАЛЬЯ ИГОРЕВНА: Почему я обязана говорить шепотом?

Звонок в дверь.

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Не открывай, пожалуйста, за мной гонятся, они убьют меня!

НАТАЛЬЯ ИГОРЕВНА: Кто за тобой гонится, милый мой, в своем ли ты уме?

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Я тебе все потом объясню, замолчи, тише!!!

Настойчивый и долгий звонок в дверь.

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Умоляю тебя, не открывай!

НАТАЛЬЯ ИГОРЕВНА: Я больше не могу терпеть, у меня нервы не железные!

Уходит открывать дверь. Появляется с Полиной.

ПОЛИНА: Привет, па, что с тобой, почему ты лежишь на полу?

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Девочка моя, тебя нашли? Какое счастье!

ПОЛИНА: А меня и не теряли, па.

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Как это не теряли?

ПОЛИНА: Что я вещь, что меня возможно потерять?

НАТАЛЬЯ ИГОРЕВНА: Я открыла входную дверь, выглянула, никого на лестничной площадке нет, никто за тобой не гонится.

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Ушли, превосходно, надо спрятать ружье.

НАТАЛЬЯ ИГОРЕВНА: Какое еще ружье, Мاسя?

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ (достаёт ружье из-под полы): Вот это!

НАТАЛЬЯ ИГОРЕВНА: Это ружье?

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Да!

НАТАЛЬЯ ИГОРЕВНА: Маса, Манюня, это обыкновенная деревянная палка. Ты что, свихнулся? Вставай, пол холодный, простудишься.

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: А что ж получается, я из палки стрелял?

НАТАЛЬЯ ИГОРЕВНА: А ну-ка, дыхни! Вроде трезвый! Перекрестись и поднимайся на ноги.

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Я только что убил человека!

НАТАЛЬЯ ИГОРЕВНА: Как ты мог убить человека, ты за свою жизнь мухи не обидел.

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Мы не виделись больше года, ты совсем не изменилась.

НАТАЛЬЯ ИГОРЕВНА: Какое год не виделись, мы с утра с тобой не виделись.

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Неужели?

НАТАЛЬЯ ИГОРЕВНА: Ушел в одиннадцать в библиотеку, позвонил в половину восьмого вечера, это два часа тому назад, и сказал, что через пять минут будешь, мы, конечно, ни в какое кино с Полинкой не пошли, я накрыла на стол, а тебя все нет и нет. Час нет, два нет, наконец, слышу, шум в прихожей, объявился, значит. Выхожу из ванной, ты лежишь на полу с палкой в руках и бредишь, мол, это не дрын, а ружье, мол, у нас пропала дочь, что ты убил человека!

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Я видел, как за нашей девочкой гнались два здоровенных парня, они засунули ее в мерседес и увезли.

ПОЛИНА: Па, никто за мной не гнался, я дома была весь день! Только отошла на минутку к Тане за нотами.

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Странно, значит, все это мне привиделось?

НАТАЛЬЯ ИГОРЕВНА: Что именно?

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Что у нас пропала девочка, что ты ушла от меня, что я эмигрировал в Германию и выступал на конгрессе, что я замерзал в степи, что у меня был роман с учительницей математики, что я стрелял в людей.

НАТАЛЬЯ ИГОРЕВНА: Роман?

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Ну, так, не очень серьезный, скорее флирт, чем роман.

НАТАЛЬЯ ИГОРЕВНА: Схожу завтра в храм, помолюсь за тебя. Больше по выходным никаких библиотек, ты, мой мальчик, явно перегрелся!

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: Значит, у нас все хорошо?

НАТАЛЬЯ ИГОРЕВНА: Ну, конечно, за исключением того, что ты перепачкал в грязи брюки и пальто!

АНДРЕЙ ИЛЬИЧ: А где наш рояль?

НАТАЛЬЯ ИГОРЕВНА: Вот он стоит в углу.

АВТОР: Андрей Ильич бросился к роялю и стал играть Рахманинова. Второй концерт. Играл он с необыкновенным чувством. После все вместе поужинали. Когда Полина легла спать, Андрей Ильич вошел в детскую, сел на краешек кровати, взял дочку за руку и запел колыбельную. Этим вечером он заснул моментально, как младенец. Ему снилось, что он лягушка, что он спит подо льдом, ему приснились первые лучи весеннего солнца, капель. Лягушка выбралась через тающий лед, на свет Божий, спела песню Булата Шалвовича Окуджавы, и стала греться на весеннем солнце! Она проснулась от зимней спячки. Он проснулся от зимней спячки. Это был самец. А самцы, как известно, не имеют синдрома отцовства.

Занавес.

Москва 2018г.